

Любовь
ШАПОВАЛОВА
г. Архангельск

СЕВЕРНЫЕ СКРОМНИЦЫ

Как груба... южная природа сравнительно с этой северной интимной красотой. И как мало людей её понимают и ценят.

М. М. Пришвин

В самом начале июля решила сбегать на разведку в лес – то один приятель случайно нашёл на обочине шоссе отличные красноголовики, то у другого прямо на дачном участке выросли. В «моём» лесу в пригороде Архангельска, куда я бегаю за грибами по осени, действительно красноголовики уже есть. Правда, мало их, да и порядком червивые, даже маленькие – ведь сколько дождей вылилось в июне!

Но речь не о грибах. Речь о травах и цветах. Начало июля – самая яркая, самая многоцветная и оттого прекрасная пора. Самое раздолье, самое разноцветье разнотравья. Идёшь в эту пору по лугу, да хотя бы по лесной опушке или тенистой полянке, и множество цветов, покрывающих эту полянку, сливаются в общую цветастость. Уже забыты первые, почти подснежные, огоньки мать-и-мачехи, или оранжевые фонарики балаболок, в сумраке еловых лап кажущиеся ещё более яркими, или, например, красно-сине-фиолетовые венчики медуницы. Пришла пора летних цветов.

Вот и я шла не торопясь с почти пустой корзиной и радовалась цветастому разноцветью даже

на окрайке ельника. И тут на заветной полянке, самой обычной полянке, притенённой широкими еловыми лапами и потому скромной травами, но необычайно богатой по осени грездами и потому неоднократно буквально исползанной мною на коленках в поисках ценного грибного урожая и на которой, кажется, знаю каждую травинку, остановилась, почти спотыкаясь, потому что остановил меня перед собой удивительный лесной цветок. Цветок, которого на этой полянке я не видела ранее никогда. Он был один такой на всю полянку.

Под пологом старой ели на тёмной, пахнущей прелью прошлогодней лесной подстилке, проткнутой свежей реденькой травкой, среди хилых травинок клевера и лопушков мать-и-мачехи ярко выделялась поднятая на прямом стебельке лилово-розовая пирамидка. Я опустилась перед дивным цветком на колени и стала его внимательно рассматривать. Пирамидка эта была собрана из двух десятков маленьких и хрупких граммофончиков-раструбов с язычками. Она казалась сделанной из тончайшего полупрозрачного фарфора. Цветок – он потому и цветок, что по определению призван привлекать своей красотой пчёл и разных мотыльков. Но не каждый мотылёк увидит в темноватом уголке леса такой маленький (менее сантиметра в раскрытом виде) и к тому же неяркий, полупрозрачный цветочек, вот Природа и собрала их полтора-два десятка, насадив на стебель в виде пирамидки. Каждый граммофончик составлен из шести нежных лепесточков: пять длинненьких стреловидных и однотонно розово-лиловых, направленных вверх, и один наособицу – направленный вниз, широкий, трёхлопастный (а может, три сросшихся?), испещрённый линиями и пятнами такого же лилового цвета по бледно-лиловому фону. Каждый цветочек словно удивительная райская птичка: один лепесточек – шейка и головка, два по сторонам – крылья растопыренные, ещё два крыла сложены ковшичком над его серединкой, словно бы над тельцем, и широкий разрисованный узорами хвост. К пирамидке этой было боязно прикасаться. Казалось, тронешь – и эти крошечные райские птички тут же взлетят. А вдруг тронешь – и разобьётся фарфоровая недотрога с лёгким звоном. Я застыла перед неожиданной находкой – откуда в самом что ни на есть прозаическом, темноватом уголке частого ельника такое нежное, просто неземное создание? Кажется, оно появилось даже не из ботанического сада, а словно из другого мира – такое светлое и хрупкое. Таким прекрасным цветком можно было только любоваться. А вот листья этого растеньица, как и прямой безлистный зеленовато-коричневатый стебелёк, выглядели более реалистично. Листья, длинные и узкие, сложенные желобком и словно по-

сыпанные мелкими-мелкими ржавыми семенами, росли от корня пучком.

У хорошего писателя Владимира Солоухина приходилось мне читать, что когда попадётся человеку что-нибудь очень красивое в жизни, в природе или искусстве (он писал применительно к русской живописи), то нужно обязательно остановиться и смотреть. Вглядываться. Любоваться. Остановиться перед красотой надо, не думая о времени, отключившись от времени, остановиться надолго, на час и даже больше. И этот час просто созерцать красоту, не думая больше ни о чём. Только тогда возможен с красотой глубокий духовный контакт, а значит, и радость удовлетворения... Красота душу лечит... А если шёл ты куда-нибудь по делу, спешил и не остановился, прошёл мимо этой красоты, или остановился на две-три минутки, да хоть бы на десять, то ничего, кроме чувства неудовлетворённости и досады, с собой не унесёшь.

Я думала о том, что шедевры существуют не только в искусстве, в той же живописи например, но и в природе. Разве не шедевр закатное небо, растянувшееся ярко-красное «бранное» полотенце во весь горизонт над ширью двинской поймы? Разве не шедевр северной природы когда-то посаженная людьми, а теперь оказавшаяся на опушке леса одинокая яблоня (на Севере, в лесу!), укутанная облаком яблоневого цвета так, что буквально листьев не видно (я видела её под Красноборском)? Да хотя бы белые звёздочки скромного кустика земляники, прижавшегося к старому чёрному пню, отчего звёздочки его кажутся ослепительно белыми... Разве не шедевр, разве не совершенное творение природы эта вот светло-лиловая недотрога под тёмной, мрачноватой елью? Это произведение того таинственного искусства, которым владеет только Природа, а нам, людям, искусство это совершенно недоступно. Думалось мне, что Природа создавала этот маленький шедевр для себя, совершенно не рассчитывая на чьи-то восторги и похвалы. А я увидела словно что-то чужое, которое мне вроде бы и не предназначалось видеть. Я стояла и созерцала прекрасный цветок. Затем отвела в сторону низкую еловую лапу, отогнула траву и сфотографировала эту лесную чудесницу.

Это была пирамидка пальчатокоренника – одного из видов северных орхидей, редких и необычайно красивых растений. Почему растеньице так назвали? Потому что его короткий корень действительно похож на кулачок с 2-3 отставленными толстыми пальцами. Пишут, что окраска цветов пальчатокоренника может быть разная. Мне довелось увидеть розово-лиловую пирамидку.

И ещё примечательность, до которой человек не

сразу и додумается, а вот Природа всё предусмотрела. Яркие пятна и полосы на бледном фоне нижнего широкого лепесточка (на так называемой «губе») – это не просто пятна, а знак, своеобразные «посадочные огни» для насекомых, разметка, которая показывает им путь к заветной цели – нектару. Чтобы до него добраться, пчела должна расположиться на «посадочной полосе» только одним, определённым образом. И пока она ворочается в цветке, добывая нектар, непременно соберёт с тычинок на туловище порядочное количество пыльцы – система загрузки пыльцы отработана чётко. А потом, ворочаясь в другом цветке того же вида, пчела невольно встряхнёт часть пыльцы на липкое рыльце пестика – и произойдёт опыление. Всё придумано так, чтобы насекомое и удобно устроилось, доставая вкусный нектар, и (главное, для чего и придумана красота цветов) получило в нагрузку к нектару пыльцу. Всем известно: цветы заставляют насекомых участвовать в их опылении.

Только вот это, про нектар, относится ко всем другим цветам-медоносам, но не к орхидеям. Оказывается, орхидные (по крайней мере, пальчатокоренники) – отчаянные обманщики! Они добиваются опыления нечестным путём! У этого цветка из семейства орхидных есть всё, что только нужно растению-медоносу: ярко (или не очень, как виденные мною, но всё равно заметные) окрашенные соцветия, нектарные метки – «посадочные огни», которые невозможно не увидеть, а также насекомые-посетители. Нет только... нектара! Ни крошечки! Это растение не вырабатывает ни капельки сладкой жидкости. Зачем же нужны нектарные метки, если нет нектара? Так пальчатокоренник, имитируя обычные цветки с нектаром, обманывает насекомых. Но поиск нектара сам по себе приносит опыление. Получается доставка пыльцы без оплаты работы – для этих цветков-обманщиков весьма выгодное дело.

На обратной дороге, уже на выходе из леса, Природа сделала мне ещё один прекрасный подарок – показала ещё одно чудесное растение. И тоже из семейства орхидных. Вот повезло!

Вернее, растений этих было три. Всего три тоненьких чуть склонённых стебелёчка среди болотной травы и молодого ивняка на краю ляги-болотинки. Один стебелёчек ухитрился вырасти среди новорождённых салатных лапок маленькой ёлочки, словно бы ёлочка, сама ещё невеликая, обнимала чудесное хрупкое создание, прикрывала его от непогоды. Наверное, у стебелёчков тоже были прикорневые листики, но как они выглядят, я тогда не обратила внимания. Всё моё внимание было направлено на нежные цветочки-звёздочки, собранные в рыльи кисти на вершинках зелёных стебельков. На фоне

молодой зелени звёздочки эти сияли ослепительной снежно-белой белизной. Каждый маленький цветочек состоял всего лишь из четырёх узких лепесточков, а с тыльной стороны цветочка имелся тоненький штырёк-шпорец, тоже белый, длиннее самого цветочка раза в два.

Я тоже сфотографировала эти растеньица и подписала для себя – «орхидеи-звёздочки». То, что они тоже из вида орхидных, видно было сразу, а вот какой вид – тогда не знала. Лишь дома в определителе растений нашла, что это были пирамидки любки двулистной! Ещё один вид скромных северных цветов, не «краснокнижных», но тоже прекрасных. Также редких.

Любка двулистая – весенний цветок. Растёт она на очень мокрых местах, а то и вовсе в воде. Почему двулистая? Потому что из земли от её прямого стебля отходят два крупных овальных листа, словно прикрывающих, обнимающих цветущую верхушку. Других листьев нет. Любку называют ночной фиалкой, хотя в её облике от фиалки нет совершенно ничего! Фиалкой называли её только потому, что оба эти цветка обладают тонким душистым запахом. Ночью в неподвижном влажном воздухе, в сырой прохладе сумрачного леса запах этих белоснежных красавиц особенно силён. Высокие прямостоячие или чуть склонённые кисти, облепленные белыми звёздочками цветков, опыляют преимущественно ночные бабочки, поэтому цветы особенно благоухают ночью. Пишут, что сильнее всего белая ночница пахнет в самом-самом начале цветения – её аромат особенный, несвойственный нашим лесным полянам, словно нездешний, из другого мира. Я же выходила из леса в тёплый, солнечный, даже душноватый полдень и никакого запаха не учуяла.

Совсем недавно, в конце мая, на обочине лесной дороги в другом лесу, значительно южнее, таким же образом остановил меня ещё один редчайший шедевр Природы – цветущий Венерин башмачок. Только не совсем такой, как изображают в книгах-определителях растений. В книгах рисуют прямой стебель и на вершине его один цветок. Я же нашла целый раскидистый кустик высотой примерно до колена, и на каждой веточке этого кустика – довольно крупный (3-4 сантиметра) ярко-жёлтый цветок. Вернее, на цветок он не особо и похож. Сам-то красноватый цветочек, похожий на колокольчик, скромный и не привлекает к себе особого внимания, а вот средний нижний его лепесток, «губа», вздутый и ярко-жёлтый. Утончённое создание богиня Венера такой башмачок, конечно, даже и примерять не станет, но почему-то называли цветок именно «Венерин башмачок» (по науке – «башмачок настоящий»). А вот Мышка, подружка знаменитого мультяшного Микки

Мауса, щеголяет как раз в таких туфельках. Необычный и невероятно красивый цветок! И был этот замечательный цветок-кустик один-единёшенек на всю окрестность. И не было с собой фотоаппарата – непростительная оплошность!

Наверное, в начале лета распускались по закрайкам леса и заболоченным луговинкам и другие цветы из семейства орхидных, да не все я знаю – я ведь инженер, не ботаник.

Все виды северных орхидей среди других цветов определить нетрудно.

Все они – любители сыроватых, а некоторые даже заболоченных мест. Их можно заметить в темноватом лесном суземье на подстилке из увядающих уже трав, а то и в болотине меж кочек. В этом году начало лета выдалось дождливое, влажное, в лесу очень сыро, даже многие луговины заболотились, потому и распустилось много любящих сырость цветов. А в обычное, не столь влажное лето таких цветов, пожалуй, и не увидишь. И на солнечном месте их не увидишь никогда – только в тени.

Все эти цветы, как правило, растут поодиночке. Бывает, идёшь по лесу, присматривая грибы-обабки, или наклонись сорвать красную капельку земляники и наткнёшься глазами на белоснежную, или бледно-зелёную, или розово-сиреневую, или даже лилово-фиолетовую плотную пирамидку или рыхлую кисть северной орхидеи, одинокую среди травы.

У всех них одинаковая, или, по крайней мере, похожая форма соцветия: на голом или малооблиственном прямом стержнеобразном стебле плотная или не очень пирамидка («пирамидальный колос», початок, иногда рыхлая кисть) мелких цветочков. Многие из орхидных обладают тонким, душистым запахом.

Эти растеньица – истинные сокровища и реликты северного леса.

Во-первых, все лесные орхидеи, растущие на территории Архангельской области, в природе встречаются чрезвычайно редко или даже находятся под угрозой исчезновения видов. По этой причине 11 видов северных орхидей занесены в Красную книгу Архангельской области (а часть – и в Красную книгу России!) как особо охраняемые, и ещё два вида как нуждающиеся в особом внимании и рекомендуемые для биологического надзора. Всего же на территории нашей области выявлено 26 видов орхидных растений. Это вовсе не значит, что не «краснокнижные» орхидеи можно срывать букетами – они тоже редкие.

Во-вторых, из всех семейств цветковых растений орхидные – самые уязвимые по условиям жизни

своей (потому и редчайшие!). Их единственный способ размножения – семенной. В августе на месте цветочков образуются жёсткие коробочки с семенами, причём семена созревают до нужного состояния не каждый год, а лишь в сухое, жаркое лето. Если растение собирается пересылать свои семена по воздуху на дальние расстояния, семена эти должны быть микроскопическими, невероятно лёгкими. У некоторых видов наших орхидей в одной семенной коробочке находится до тысячи (!) мельчайших семян. Примерно 50 тысяч семян орхидеи весят 0,1 грамма. Ветер уносит их на сотни километров, словно невидимые глазу пылинки-пушинки.

Матери-орхидеи не очень-то заботливы по отношению к детям. Они не снабжают зародыши растительной капсулой с провиантом (как, например, всем известный горох или жёлудь). Как же крохам-семенам выжить без питания? Но тот факт, что дикие орхидеи всё же существуют, подтверждает успешность на первый взгляд невозможной стратегии – орхидеи в размножении и выживании своим целиком и полностью полагаются на... грибы! Всхожесть семян орхидных растений крайне низкая, подавляющая их часть пропадает, а прорастают только те, которые упали в нужное место, пусть это будет даже одно семечко на тысячу, и прорастают только при сочетании нескольких необходимых условий, главное из которых – присутствие в почве особых, определённого вида почвенных грибов. Два года проростки цветов живут под землёй и питаются «детской смесью», которую получают от мицелия этих грибов, и лишь на третий год выбрасывают на поверхность земли первый зелёный листик.

В-третьих, из всех цветковых растений у орхидных самый длительный «период взросления». Все они многолетники, но до цветения ничем не примечательные – обычный пучок травы. А расцветают они... которые на десятый год, а которые и на двадцатый год после появления первого зелёного листика! Девушки тоже расцветают к двадцати годам.

Кстати, не задумывался ли мой читатель, какие растения называли ранее «приворотной травой» – той самой, с помощью которой русские знахари делали приворот «на любовь»? А это они, северные орхидеи. Только такие редчайшие и прекрасные творения Природы могли помочь страдающим девичьим сердцам.

Бывает, что на мокрых лугах или заболоченных мочажинах в дождливое лето северные орхидеи образуют скопления, небольшие группки из одного-двух-трёх десятков цветов. Главным образом это относится к пальчатокоренникам. Обычно же кисти-соцветия северных орхидей на высоких стеблях можно увидеть поодиночке или всего

несколько растений под пологом леса, в низких тенистых местах.

Полянка пальчатокоренника (тех самых лилово-розовых пирамидок) растёт в окрестностях нашей деревни – на сыроватом низменном берегу Двины между залитыми солнцем маленькими пихточками, выскочившими на лужок из-под полога пихтовой рощи. Цветов совсем немного – с одного места, пристально вглядываясь в траву, насчитала лишь полтора десятка розово-сиреневых пирамидок. И так трогательно смотрелись эти бледноватые изящные колоски среди такой же высоты пихточек! А вдуматься – пихточки ещё двухлетки (в две мутовки), а цветам явно более десятка лет. У жителей нашей деревни нет никакого задела, чтобы приходиться на влажную луговину под пихтовой рощей, поэтому и не знают они о таком чуде природы. А я не скажу – вдруг выростут и пересадят на клумбы под окнами.

Конечно, не только я любовалась прекрасными и редкими цветами.

Метерлинк, французский писатель и философ начала XX века, посвятил орхидеям целую главу в своём философском эссе «Разум цветов»: «У орхидей мы найдём самые совершенные и гармонические проявления разума цветов. В этих изумленных и странных цветах гений растения достигает своих самых высших точек и пробивает необычным пламенем стену, разделяющую царства».

У Блока есть поэма «Ночная фиалка».

Тютчев писал, что этот цветок наполнил его, поэта, душу «невыразимым чувством таинственности». «От неё, ночной фиалки, зародилось то обострённое, проникнутое романтикой восприятие природы, которое сделалось отличительной чертой лирики одного из великих русских поэтов. И

всё это наделал скромный лесной цветок...» – писал о поэзии Тютчева прозаик Солоухин.

А здесь Солоухин о цветах: «Каждый цветок внушит нам какое-нибудь своё чувство: навеет задумчивость, разбудит мечту, создаст ощущение душевной лёгкости, светлости, чистоты... Невыразимым же чувством таинственности могла наполнить душу только ночная фиалка, любка, ночница, цветок, на котором действительно лежит печать волшебства». И он же продолжает: «Этот цветок выделяется, как если бы на прежнем деревенском гулянье, нарядном и разноцветном, появилась заезжая гостья в длинном белом платье и в белых перчатках почти что до плеч. Как если бы в табуне крестьянских лошадей появилась белоснежная арабская кобылица... Так возникнет перед вами ночная фиалка среди остальных лесных цветов. ...Все другие цветы тоже исполнены своего благородства. Но есть в ночной фиалке какой-то оттенок, нечто такое, что сразу выделяет её из остальных цветов. Просто этот цветок «из другого общества»».

Если вам тоже повезёт увидеть этих или других лесных скромниц – цветов «из другого общества», вспомните, что целое десятилетие, а то и два росли они до того, чтобы раскрыться перед неожиданным путником-созерцателем в полной красе. Полюбуйтесь ими и сохраните их, чтобы так же, как вы, смогли любоваться ими другие случайные путники. Унесите эти редкостные по красоте и изяществу северные цветы лишь на фотоснимках. Или в памяти своей.

Начало июля, окрестности Архангельска.

Любовь Геннадьевна ШАПОВАЛОВА

окончила Архангельский лесотехнический институт,

кандидат технических наук,

исследователь и пропагандист северного деревянного зодчества.

Автор пяти монографий.

Научные статьи и литературно-художественные очерки

публиковались в журналах и альманахах

«Вопросы истории естествознания и техники»,

«Архитектурное наследие», «История науки и техники»,

«Двина», «Север», «Слово», «Вологодский лад» и других изданиях.

